

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О. Л. Гутько

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА

В статье автор раскрывает основные сюжеты в творчестве Владимира Короткевича, распространенные в литературе XX века – христологический и фаустианский. Своеобразное переплетение и невозможность разрешения конфликта выделенных древних сюжетов в творческом наследии писателя обобщают смысл действий персонажей художественных произведений. Используемые образы произведений отсылают читателя к раннехристианским символам, что свидетельствует об обращении автора к новой интерпретации взаимосвязи христологического и фаустианского сюжетов.

Смысловое содержание художественных произведений, созданных в ретроспективе культурного развития, будет всегда обновляться как поиск жизненных смыслов и стратегий, направленный на будущее. В период засилья и безоговорочного давления массовой культуры, которая оказывает часто пагубное и травматическое воздействие на человека, стоит обратить внимание на исторические произведения, созданные титанами белорусской культуры, позволяющие увидеть встречу исторического и нового понимания человека, отметить, насколько он изменился под влиянием перепитий культурного развития.

Литературное наследие Владимира Короткевича (1930–1984) с каждым годом и десятилетием по-новому будет интерпретироваться современниками нашей эпохи, исследователями и творческой элитой последующих поколений. Одним из первых систематизацией творчества В. С. Короткевича занялся А. В. Русецкий, опубликовав монографию критического осмысления его творчества в 1991 году [1].

Многие исследователи обращались к глубинному истолкованию образов творчества В. С. Короткевича. Для культурологического осмысления представляет ценность сборник материалов международной конференции «Владимир Короткевич и его творчество в европейском культурном контексте», организованной в Орше в 1995 году (Минск, 2000). Особый интерес при написании статьи вызвали вошедшие в сборник материалы В. Локун [2], А. Леоновой [3] и А. Степановой [4], посвященные рассмотрению текста романа «Христос приземлился в Городне». В 2020 году прошли ряд научных конференций, посвященных 90-летию со дня рождения писателя, совместные XVIII Архивные чтения и XX Узвышенские чтения «Владимир Короткевич и его время: к 90-летию со дня рождения писателя», круглый стол «Владимир Короткевич и новая белорусская идентичность конца XX – начала XXI ст.» в рамках V Международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития». В своих публикациях исследователи

А. И. Бобко, И. М. Бобкова, И. Э. Богданович, И. А. Бурделева, И. М. Дубенецкая, В. К. Игнатова, В. П. Рагойша, С. И. Санько, Я. Я. Янушкевич и др. уделили внимание значимым аспектам творчества писателя, рассмотрев его биографию и смысловое наполнение произведений в контексте исторических событий XX столетия и национальной идентичности белорусов в современных условиях.

Начало XXI века связано с изданием монографий, посвященных разбору произведений и личности В. С. Короткевича в контексте белорусской культуры, среди авторов как единомышленники-современники А. И. Мальдис, А. М. Ненадовец, так и исследователи его творчества последующих поколений П. С. Банцевич, Д. Мартинович и др. Каждый из них постструктуралистично осмыслил семиотику творческих замыслов Владимира Семенича.

Личность Творца В. С. Короткевича, созданные его воображением художественные произведения на основе исторических событий белорусской земли всегда будут притягивать к себе взоры потомков. Современный человек часто не может оценить достижения своей культуры, находясь в гуще событий ситуационной идентичности. Время безвозвратного ухода автора прокладывает путь к исследованию его жизненных решений, творчества, взглядов и мировоззрения. Чувство бесконечной вины и безвозвратной потери выступает символическим действием нашей культуры.

Драматические и художественные произведения В. С. Короткевича популярны у режиссеров-постановщиков и продолжают быть востребованными на сценических площадках театров Беларуси, в национальном кинематографе. Подчеркнем, что очень часто произведения Короткевича становились достоянием театров. В подтверждение данного посыла перечислим ряд постановок в белорусских театрах, где он часто выступает создателем сценария: постановка оперы «Седая легенда» Д. Смольского, либретто – В. Короткевич (постановка спектакля в 1978 г., постановка М. Панджавидзе в 2012 г.), опера В. Солтана «Дикая охота короля Стаха», либретто – С. Климович (постановка В. Цюпы в 1989 г., постановка А. Моторной в 2021 г.), спектакль Белорусского государственного молодежного театра «Христос приземлился в Городне» (постановка В. Котовицкого, 1999 г.), спектакль Республиканского театра белорусской драматургии «Колосья под серпом твоим» (постановка В. Анисенко, 2008 г.), спектакль Белорусского государственного театра кукол «Ладья отчаяния» (постановка А. Лелявского, 2013 г.), спектакль Белорусского государственного театра юного зрителя «Дикая охота короля Стаха» (постановка В. Савицкого, 2016 г.) и др. В белорусском кинематографе режиссеры часто обращались к прозе Короткевича в поисках основы для художественных фильмов. В большинстве постановок В. Короткевич выступал в роли сценариста: х/ф «Христос приземлился в Городне» (сценарист – В. Короткевич, режиссеры – В. Бычков, С. Скворцов, 1967 г., «Беларусьфильм»), х/ф «Дикая охота короля Стаха» (сценарист – В. Короткевич, В. Рубинчик, режиссер – В. Рубинчик, 1979 г., «Беларусьфильм»), телеспектакль «Листья каштанов» (сценарист и режиссер –

В. Забелло, 1982 г., «Белорусское телевидение»), х/ф «Черный замок Ольшанский» (сценарист – В. Короткевич, режиссер – М. Пташук, 1983 г., «Беларусьфильм»), м/ф «Ладья отчаяния» (сценарист и режиссер – О. Белоусов, 1987 г., «Беларусьфильм»), х/ф «Паром» (сценарист – А. Кудрявцева, режиссер – В. Бокун, 1988 г., «Беларусьфильм»), х/ф «Седая легенда» (режиссер – Б. Поремба, 1991 г., СССР – Польша) и др.

В каждой постановке по мотивам произведений Владимира Короткевича скрыта загадка для режиссера, которую необходимо открыть для зрителя в сценическом или экранном воплощении. Чаще всего проблема заключается в том, что исторические события и действие постановки происходят за пределами сцены, и все внимание автора обращено к зыбкому счастью или тревогам персонажей. Внутренний мир героев приобретает размеры Вселенной, поэтому сложно выстроить яркое и содержательное мизансценическое действие на основе показа событий, в которых не разграничиваются реальность и фантазмагорические видения, всегда характерные для прозы В. С. Короткевича.

Панорама сюжетного ряда, исключая наличие событий, встречается в произведениях А. П. Чехова. Действие выстраивается на эмоциональном отношении персонажей друг к другу. Выявление зерна постановки по произведениям В. С. Короткевича заключается еще и в том, что фантазмагорический мир переплетен с бытовыми действиями современности и невозможно провести границу между ними. Кроме этого возникает вопрос, есть ли необходимость проводить границу между реальностью и воображением, чтобы не нарушить структуру развития событий произведения. Смещение реальности в воображаемый мир происходит в повести «Дикая охота короля Стаха», романах «Черный замок Ольшанский», «Нельзя забыть». Лирическая поэма «Гулянка в декорациях», созданная в период съемок художественного фильма «Христос приземлился в Городне» в 1967 году, также может стать хорошим примером такого синтеза реальности и воображения в творчестве В. С. Короткевича.

Структурный анализ малой поэмы «Гулянка в декорациях» позволяет увидеть семиотические интерпретации, которые присутствуют в тексте произведения. Сюжет поэмы – съемки исторического фильма киностудией, скорее всего, фильма «Христос приземлился в Городне». Встречается рефрен слова *кино*, упоминание о Средневековье, жизненном укладе эпохи, персонажах Евангелия и прочем.

Жанр лирической поэмы «Гулянка в декорациях» приближен к ироническому памфлету, где встречаются насмешки над самомнением съемочной группы, их честолюбивыми планами и мечтами, желанием быть погруженным в удовольствия: «Мог бы поспорить с Самсоманом!» [5, с. 106], «Слава косцюёмрам, / гримерам, актерам, / А наибольшая тому, кто дал в кредит!» [Там же, с. 107], «Ишь, апостол Павел тянет вино!» [Там же, с. 106]. Художественные образы персонажей и деталей повествования в лирической поэме «Гулянка в декорациях» связаны с персонажами романа «Христос приземлился в Городне».

Обратимся к подробному сравнению данной лирической поэмы и этого романа. Если поэма «Гулянка в декорациях» – это иронический памфлет, то жанр романа «Христос приземлился в Городне» Короткевич определяет как историческую хронику. Так автор опредмечивает, овещает историю человека, который мог бы жить в то время, упоминаемого в архивных рукописях, обнаруженных писателем. Христологический сюжет (представленный как смерть бога) в романе и поэме позволяет объединить ход событий обоих произведений и понять предназначение жизни каждого из персонажей.

Не будем отказываться от идеи того, что христологический сюжет в романе и поэме тесно связан с фаустианским сюжетом (представленный как договор с нечистой силой).

Столкновение рассматриваемых сюжетов в романе и поэме приводит к трагическому исходу, неразрешимому противоречию и оппозиции, которая ищет новый путь, где оба сюжета связаны между собой и чувствуется их взаимосвязь. В современной интерпретации переосмысливается евангельский сюжет с точки зрения ценностей эпохи Реформации в белорусской культуре и жизни города XVI века – стремлении спасти других и желании сохранить свою жизнь и избавиться от страданий. В романе открыто демонстрируется памфлетное направление, которое разоблачает христианских служителей в эпоху становления гуманистических идеалов в Европе, во время зарождения национального самосознания. Ирония над евангельской историей перерастает в гимн гуманистическим идеалам, сопровождающийся предательством десяти апостолов и поддержкой идей Христа ремесленниками, бедными крестьянами, апостолами Иудой и Фомой, «предателями», согласно евангельскому изложению, однако верными избранному пути Христа – Юрася Братчика.

Такая же проблема совмещения событий съемок исторического фильма (фаустианский сюжет) и реконструкции исторических событий на основе сюжета романа «Христос приземлился в Городне» (христологический сюжет) возникает и в малой поэме «Гулянка в декорациях»: современное пространство киносъемок внезапно преобразуется в средневековую Городню. В финале поэмы интерпретатор (читатель) осмысливает предательство (фаустианский сюжет) не только в рамках произведения, но и как постоянное возвращение к извечному равнодушию. Именно равнодушие апостолов к судьбе Христа стало поводом для отказа следовать его идеям. Равнодушие В. С. Короткевич расшифровывает как отказ от затраты личных духовных сил: «Только издеваются над теми, кто работает, и – по бабам» [6, с. 478]. Предательство Христа как воплощения идеала человека отражается в предпочтении апостолами иждивенческого образа жизни – сытной еды, утех, отказа от утомительных обязанностей. А. М. Ненадовец пишет в монографии, посвященной творчеству Короткевича: «В жизненных ситуациях многое всегда решалось куда проще и прозаичнее, без всякой там высокой патетики, риторики для жизни и т. д. Человек труда, в зависимости от всяких испытаний и трудностей, научился дорожить жизнью и просто так

расставаться с ней не хотел. Даже во имя высокой идеи. Чтобы он решился на такой поступок, ему нужно было поверить в эту высокую идею, а к такому его мог привести герой, которому (призывом, пропагандой агитируя которого) поверил бы человек труда, пошел бы за ним сломя голову, на борьбу, на битву, даже, заведомо осознавая, к какому трагическому финалу, к какому завершению она может привести» [7, с. 137]. Поэтому равнодушие – это первый показатель живого, небезразличного, болезненного ощущения жизни, когда мы направлены не брать, а отдавать. В духовном действии отдачи и содержится основной принцип творчества.

Рассмотрение предательства как следствия иждивенчества дает основания полагать, что это проблема не личного плана. Выбор поступков актуален и в христианской традиции – вера человека базируется на желании покаяться в грехах. Человек просит у бога дать силы быть сильным, обещает оставаться верным хорошим намерениям, чтобы через время снова вернуться на путь предательства, прежде всего себя. Путь извечной греховности и предательства становится фундаментом человеческой жизни. Каждый человек рассматривает проблему предательства как отрицательный поступок. И эта проблема, кажется, будет бесконечной.

Для рассмотрения проблемы предательства в поэме «Гулянка в декорациях» обратимся к повести В. С. Короткевича «Дикая охота короля Стаха», где трагедия сопровождает судьбу многих поколений в ответе за поступок, который происходил несколько веков назад. Предательство своего предка помнят потомки и несут за него ответственность. Видимо, в ответственности за поступок скрывается возможность прощения. Так, главная героиня повести принимает судьбу и готова сделать все, чтобы избавиться от чувства вины за предательство своего предка. Поэтому чувство вины – основной, управляющий символ жизни и европейской цивилизации, который отметил О. Шпенглер в знаменитой работе «Закат Европы». Предательство рассматривается основой для определения ценностей европейской культуры.

Может, в этом случае безразличие более значимый грех, чем предательство. Ведь от предательства человек страдает, а от равнодушия, наоборот, получает инертный покой, поддерживающий принцип иждивенчества как мышления и направления деятельности. Короткевич подчеркивает в тексте поэмы «Гулянка в декорациях», что предательство происходит из-за равнодушия, безразличия и молчания. «Петушиный крик – тишина, разлился рассвет – тишина, тишина... Мертвым сном войско мертвое спит на земле. Что, монголы прошли? Может, гуны прошли?» [5, с. 109].

Одно из важных течений поэмы и романа – тема любви Героя. Любовь в поэме раскрывается сумбурно, как песнь пьянящей радости во имя бога Диониса: «Славься в вышних, лоза! / Славься, лоза. / Славься та, что дарит любви силу, / Славься та, что горе поможет залить ...» [Там же, с. 107]. В романе любовь становится одним из основных стремлений Героя к достижению счастья на земле. «Закинув лицо, она смотрела ему в глаза, как на священное изваяние, что внезапно ожило» [6, с. 209]. Е. Степанова дает

в романе глубокую интерпретацию двух разнополярных образов женщин, влюбленных в Юрася Братчика. Одна из них – Магдалена (Марина Крывиц) придерживается жизненного расчета, не боясь грехопадения во имя желания быть рядом с Юрасем Братчиком, другая же – Анея, чистая, не осведомленная о жестокости жизни или смиренно принимающая ее. Обе женщины любят Героя, но Магдалена сходит с пути следования за Христом, объясняя это тем, что она будет идти за ним незаметно, украдкой. Может, так и действует на сознание человека любовь, которая всегда с нами в памяти. Магдалена – образ, который будет преследовать Героя в воспоминаниях и, тем самым, будет вызывать больше эмоций, чем женщина, которая находится рядом. Поэтому любовь у Короткевича – это тяга к недостижимому. Образ любви слагается из двух образов женщин, которые постоянно притягивают Героя к себе. Вновь повторяется встреча двух сюжетов – христологического (образ Анеи) и фаустианского (образ Марины Крывиц).

Завершение поэмы и романа – развитие евангельского сюжета, основанного на предательстве. В тексте поэмы Владимир Короткевич насыщает гулянку языческим хороводом и поклонением Дьяволу. В обоих текстах романа и поэмы присутствуют, как доказательство предательства, топот копыт, крик петуха и тишина.

Топот копыт связан с жертвоприношением, которое проводили язычники в романе во время Черной мессы: «Это было похоже на приглушенные, скользящие шаги десятков маленьких ног, среди которых иногда выделялись тяжелые, словно шло огромное животное» [6, с. 317–318]. В тексте поэмы точнее выделяется стук копыт: «Просто Дьявола копыта / реквизитором пьяным ловко подбитые» [5, с. 108].

Следующий образ, который встречается в тексте романа и повторяется в поэме, – это «петушиный крик». Он сразу отсылает нас к евангельскому тексту о трехкратном отказе Петра от Христа, подтверждая его предательство. Владимир Короткевич намеренно подчеркивает крик петуха как цитирование евангельского текста. А. М. Ненадовец раскрывает еще более содержательно рассматриваемый образ: «Солярная природа петуха особенно ярко отразилась в христианских верованиях. На фреске одной из римских катакомб по бокам Христа, изображенного в виде античного пастыря, стоят два петухи. В раннехристианской легенде повествуется, что Христос воскрес после первого крика петуха. Широко известно и евангельское предание, согласно которому петух своим криком проклял апостола Петра. Мотив птицы, которая своим криком разгоняет нечистую силу и отпугивает мертвецов, создает кульминацию в ряде сказок, постоянно присутствует в быличках» [7, с. 92]. Поэтому петушиный крик – это надежда человека на победу над своими слабостями через силу духа.

Третий образ – образ тишины – акцентируется в тексте романа и в малой поэме как опустошение и тщетность всех усилий, которые сопровождали действие в малой поэме и романе. «Только Иаков Алфеев, как всегда не к месту, начал пробовать голос.

– Горе тебе, Хоразин ... Го-ре ... Горе тебе, Вифсаида.

И так они исчезли за холмом. Некоторое время еще доносился медвежий, еловый голос. Потом остались только тишина и зарево» [6, с. 497].

В поэме мы снова встречаемся с акцентом на тишине. «Петушиный крик. / Тишина. / Разлился рассвет. / Тишина» [5, с. 109].

Владимир Короткевич интерпретирует тишину по-разному. А. М. Ненадовец приводит описание природы в ранней повести Короткевича: «В снегах дремлет весна», где тишина – признак гармонии природы и мира человека: «Какая тишина! Какая великая тишина!» [7, с. 53]. В более зрелых произведениях В. С. Короткевича тишина связана с описанием невероятного страха. Приведем отрывок из повести «Дикая охота короля Стаха»: «Опять, как в тот раз, беззвучно летели они [туманные силуэты всадников] передо мной огромными прыжками в воздухе. И полное молчание, будто я оглох, висело над ними» [8, с. 306]. Н. К. Рерих также упоминает тишину как характеристику разных состояний человека: «Есть два вида тишины: беспомощная тишина инертности, которая отождествляет собой распад, и тишина могущества, которая управляет гармонией жизни» [9, с. 50]. В семиотическом пространстве зрелых произведений В. С. Короткевича тишина – это даже не инерция и не распад, это эмоциональное состояние напряженного ожидания, связанное с ужасом, крахом надежд и хаосом. Именно так решен финал малой поэмы «Гулянка в декорациях» и так представлено начало романа «Христос приземлился в Городне»: никого не осталось, кроме Иуды и Фомы. «И задумали мы оставить правду. Может, она дойдет, когда начнут канонизировать не в святые, а в Люди» [6, с. 10]. Поэтому тишина напряженного ожидания заменяется созидательной тишиной творчества, созданием Евангелия.

На основе использования семиотического метода в рассмотрении основных категорий знаково-символического пространства малой поэмы «Гулянка в декорациях» и романа «Христос приземлился в Городне» В. С. Короткевича были выявлены такие структуры, как:

– раздвоенный образ любви – две женщины, разные во взглядах, привлекают Героя. Любовь невозможно подчинить сознанию и рядом с реальной фигурой будет следовать ее Тень, как два сюжета тесно сплетенных между собой – христологический и фаустианский;

– образ безразличия, совмещенный с принятием позиции иждивенчества. Традиция брать, использовать – основа обывательской жизни. Автор подчеркивает в поведении Трикстера (персонажа христологического сюжета), что человек всегда живет согласно принципу отдачи, как духовной, так и материальной;

– образ предательства как следствие равнодушия к среде раскрыт в тексте в нескольких проявлениях: тишине как напряженном ожидании, крике петуха как символе духовных наказания и спасения, стуке конских подков – гибели души, растоптанной в дьявольском танце.

В завершение отметим, что читать произведения Владимира Короткевича необходимо по-белорусски, тогда чувствуются неповторимый напев и языковые игры автора. Русский перевод произведения «Христос призем-

лился в Городне» – это текст, составленный из белорусских слов писателя. Поэтому продолжает оставаться злободневной проблема раскрытия смысла и знаково-символического пространства творчества Владимира Семеновича Короткевича через интерпретацию текста для того, чтобы его литературное наследие стало понятнее для других наций и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русецкі, А. У.* Уладзімір Караткевіч : праз гісторыю ў сучаснасць : Нататкі літ. творчасці / А. У. Русецкі. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 287 с.
2. *Локун, В.* У пошуку маральнага ідэалу. Проза Уладзіміра Караткевіча / В. Локун // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце : матэрыялы міжнар. навук. канф., Орша, 24–25 нояб. 1995 г. – Мінск, 2000. – С. 133–152.
3. *Леонава, Е.* Образ Марии Магдалины в романе В. Короткевича «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» и мировой литературный опыт «С тобой, как с деревом побег, срослась» / Е. Леонава // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце : матэрыялы міжнар. навук. канф., Орша, 24–25 ноября 1995 г. – Мінск, 2000. – С. 168–183.
4. *Сцяпанав, А.* Рысы еўрапейскага постмадэрнізму ў творах Уладзіміра Караткевіча (на матэрыяле рамана “Хрыстос прызямліўся ў Гародні”) / А. Сцяпанав // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце : матэрыялы міжнар. навук. канф., Орша, 24–25 ноября 1995 г. – Мінск, 2000. – С. 58–62.
5. *Караткевіч, У.* Гулянка ў дэкарацыях (Малая паэма) // У. Караткевіч. Быў. Ёсць. Буду : Кніга паэзіі / У. Караткевіч і прадм. Р. Барадуліна. – Мінск : Маст. літ., 1997. – С. 106–109.
6. *Караткевіч, У. С.* Хрыстос прызямліўся ў Гародні : Евангелле ад Іуды : раман / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 589 с.
7. *Ненадавец, А. М.* Уладзімір Караткевіч : прырода, фальклор і творца / А. М. Ненадавец. – Мінск : Бел. навука, 2015. – 423 с.
8. *Караткевіч, У.* Дзікае паляванне караля Стаха : Аповесць // У. Караткевіч. Зямля пад белымі крыламі : Нарыс. Дзікае паляванне караля Стаха : Аповесць / У. Караткевіч. – Мінск : Юнацтва, 1995. – С. 183–367.
9. *Рерих, Н.* Пути благословения / Н. К. Рерих. – Минск : Университетское, 1991. – С. 49–52.

Поступила в редакцию 05.04.2022